

Илья Чесноков

Заикание

Начало семидесятых годов. Августовское утро. Мне шесть с половиной лет. Я стою в полутёмном кабинете, выправив спину, как учила мама, и опустив руки. Шторы неплотно задёрнуты, и кажется, что кабинет разрезан лезвиями лучей на одинаковые дольки. За окнами в утреннем свечении южного солнца купается жемчужина Казахстана — город Алма-Ата. Напротив меня за столами, выстроенными в ряд, сидят семь человек. Некоторые с усталыми, осунувшимися лицами, как будто приклеенными к головам. Почти все в очках. Кто в маленьких и круглых, в золочёной оправе, а кто — в больших, прямоугольных, в толстой раме. Перед людьми включены настольные лампы, по-старчески сгорбленные к бумагам, лежащим на столах. Свет от ламп отражается в линзах очков, и когда люди двигают головами, эти отражения танцующими огоньками прыгают по столам, лицам и стенам.

Мне кажется это смешным, и я начинаю улыбаться. Я словно в цирке — ожидаю, что вот-вот начнётся представление. Моя мама, Лидия Дмитриевна, сидит на деревянном стуле с высокой спинкой и гнутыми ножками справа от меня, выправив спину и положив руки на колени. Её новая маленькая сумочка с металлической застёжкой сверху висит на плече. Мама ждёт, что скажут нам эти люди. «Семеро против двоих. Нечестно», — мелькнула у меня мысль. Воздух в комнате тяжёлый, как и взгляд над толстой оправой мужчины, сидящего в самом центре напротив меня.

Этот мужчина громко откашлялся, и все остальные тут же начали шелестеть бумагами, лежащими перед ними. Отблески света запрыгали по лицам. Я сразу понял, что мужчина с тяжёлым взглядом, который сидел напротив меня, — это главный. Этот главный посмотрел на меня, поправил очки мизинцем и, кашлянув ещё раз в кулак, басовито обронил в тишину:

— Ну так что у нас с заиканием?

Мама поднялась со стула и, поправляя причёску, произнесла:

— Вот, заикается сын сильно. Мы у себя в Чимкенте обошли многих логопедов. С Илюшей были проведены занятия, но результата нет. Вот, теперь по направлению к вам на консилиум приехали.

— Понятно, — пробасил мужчина, постукивая карандашом по столу, и, поглядывая на наручные часы, добавил: — Ну что, коллеги, послушаем мальчика?

Блики света пробежались по кивающим головам.

— Расскажите нам о себе, молодой человек, — старушечьим женским голосом проскрипел член комиссии с левой стороны, которого еле видно было за плафоном лампы.

Я посмотрел в сторону этого голоса и заметил только огромные очки, залитые светом. Под ними — ярко покрашенные губы, раскрасившиеся на половину лица, и, уже ниже, морщинистые кисти рук с кольцами на пальцах, которые нервно подёргивались в какой-то невдомый такт. Кольца поблёскивали, разбрызгивая вокруг лучи.

Я выпрямился и начал:

— М-м-меня за-за-зовут Илья. Я ска-ска-скоро па-па-пойду в шо-шо-школу. Я уже у-у-умею чита-та-та-читать и ши-ши-считать.

— Достаточно, хорошо, — раздался тоненький голосок девушки с правой стороны.

Она, как школьница на уроке, подняла руку, чтобы ей дали возможность высказаться.

— Я думаю, что здесь всё понятно, товарищи. В данном случае мы наблюдаем логоневроз второй степени.

За столами лёгкой волной вспорхнули короткие реплики. Члены комиссии дружно опустили головы. Листы бумаги стали покрываться узорами слов, складывающимися в орнаменты научных предложений.

— А что, Илюша, ты можешь нам прочитать? Ты что-нибудь приготовил наизусть? — пробасил главный, вглядываясь в моё лицо.

Мама снова приподнялась:

— Илюша любит читать стихи наизусть. Он сейчас прочтает некоторые свои любимые стихотворения. Он и спеть может.

Я стою, молчу и не знаю, на кого смотреть, когда читать начну. Решил смотреть на главного.

Я выпрямился, как репетировали дома, приподнял подбородок и, закинув руки за спину, во весь голос начал:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

Я заметил, как члены комиссии оживились, выпрямились и приготовились внимательно слушать дальше.

Неожиданно по столу звонко забарабанил карандаш так, словно это маленький человечек выбивает на столе чечётку крохотными туфельками.

— Хорошо, хорошо, достаточно! — пробасил главный.

Члены комиссии оживились и продолжили писать.

— Нет, нет, почему же? Очень даже ничего, — задорным голосом сказала девушка.

Она встала и, покачиваясь на высоких каблуках, подошла к главному. Передала ему лист бумаги. Тот прочитал, кивнул и, тыча в мою сторону карандашом, словно перед ним стояла группа детей и он выбирал именно меня, сказал:

— Продолжайте, молодой человек. Что у вас ещё приготовлено?

Я подумал, что ему было плохо слышно, и, набрав побольше воздуха и расставив ноги пошире, продолжил:

— Александр Твардовский.
В пилотке мальчик босоногий
С худым заплочным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.
Вновь меня перебил карандаш:

— Отлично, отлично. Мне всё понятно. Пока хватит.

Но слева густо накрашенные губы нараспев произнесли:

— Уважаемые коллеги. Я думаю, что выражу коллективное мнение, и попрошу молодого человека ещё почитать. Я вижу в данном случае полное отсутствие каких-либо симптомов речевого судорожного синдрома.

Кто-то из комиссии подошёл к окну и, отдёрнув шторы, открыл его настежь. В кабинет ворвался свежий утренний ветерок. За моей спиной запахнулась от сквозняка дверь. Ветерок взлохматил причёски членов комиссии, сорвал со столов листы и раскидал по полу. Консилиум продолжил свою работу как ни в чём не бывало. Лучики света, отражаясь в очках, вновь ожили, перебегая от одного к другому. Появились улыбки. Сквозь перешёптывание и шелест бумаги я расслышал:

«да, да», «неплохо», «согласен», «интересно», «такой случай», «и такое бывает».

Главный, устало взглянув на часы, обратился к маме:

— Извините, а что, у вашего сына только военный репертуар?

— Нет, не только. Просто Илюша любит военную тему и вообще хочет стать военным, когда вырастет. Он и спеть может.

— Ну хорошо. Пусть ещё другое что-нибудь почитает. То, что выучил. А потом уж пусть и споёт, если вы так хотите.

Мама повернулась ко мне:

— Давай, сынок.

Я уже слегка покраснелся и, представляя, что на сцене, набрал побольше воздуха и почти закричал:

Над могилой, в тихом парке

Расцвели тюльпаны ярко.

Вечно тут огонь горит,

Тут солдат советский спит.

Мы склонились низко-низко

У подножья обелиска,

Наш венок расцвёл на нём

Жарким, пламенным огнём.

Мой звонкий голос пружинисто ударялся о стены и потолок, вонзался в пол и вновь подскакивал вверх. И вдруг неожиданно для меня главный быстро отодвинул стул и встал. Я замолчал. «Сейчас ругаться будет», — подумал я и взглянул на маму. Мама сидела неподвижно, с белым лицом. Слышно было, как за окном щебечут птицы, стучат каблуки спешащих людей, сигналият машины. Через несколько секунд все члены комиссии начали улыбаться и что-то быстро писать, передавая главному бумагу. После некоторой паузы главный, прочитав переданные ему записи, взглянул на маму и спросил:

— Уважаемая, вы зачем вообще привезли к нам ребёнка? Он прекрасно читает стихи. Никаких серьёзных проблем с заиканием у него нет.

Мама поднялась со стула:

— Может, как-то ещё проверите? Зря, что ли, мы ехали? Не в Москву же нам отправляться. Меня с работы отпустили всего на два дня.

— Хорошо.

— Пусть споёт, раз так хотел, — кто-то выкрикнул из-за стола.

— Спой, сынок.

— Как обычно? — шепнул я маме.

— Твою любимую, — подмигнула она.

Я сделал шаг вперёд и, разведя руки в стороны, запел:

Ой, мороз, моро-о-о-оз! Не-е-е морозь меня-а-а.

Не моро-о-озь меня-а-а-а, моего коня-а-а-а.

Не морозь меня-а-а-а, моего коня-а-а-а...

Послышался дружный смех и аплодисменты. Кто-то включил в кабинете свет. Над нами зажглась круглая люстра с десятками ярких лампочек. Я смог наконец-таки увидеть огромный кабинет и людей за столами. Члены комиссии, вытирая слёзы, вполголоса подхватили:

Моего коня белогривого,
У меня жена, ох, ревнивая...

Мама влилась в единый хор, а я растерялся и замолчал. Щёки мои запылали, и я почувствовал себя каким-то огромным и знаменитым. Песня неслась уже без меня. В кабинете стали заглядывать любопытные. Председатель поднял руку, и все разом замолчали. Придав лицу серьёзный и деловитый вид, он обратился к маме:

— Всё у вас будет нормально. Пусть ваш сын чаще поёт и читает вслух стихотворения. И заикание постепенно пройдёт.

В мою память надолго врезалось его «пустить почаще поёт». Мама поблагодарила всю комиссию за работу. Потом подошла и каждому пожала руку: — Спасибо.

Девушка на высоких каблуках сказала:

— Лидия Дмитриевна, вы можете посидеть в коридоре и подождать. Мы вас вызовем и выдадим на руки заключение обследования.

Мы вышли в коридор и сели на узенький длинный диванчик.

Я взял маму за руку:

— Мам, я хочу на-на-на улицу. Здесь ды-ды-дышать не-не-нечем.

— Хорошо, сынок, выйди. Посиди там на скамейке. Никуда не уходи. Сиди и жди меня. Мы, как только получим документы, сразу поедем домой. Кепку свою не забудь.

Пока мы были на консилиуме, по городу пробежался короткий летний дождь. Скамейка была мокрая, и я сел у входа на ступеньки под навесом. Рядом положил кепку. В мелких лужах барахтались воробьи. Люди нескончаемым потоком двигались в разных направлениях. Город жил своей жизнью. Моё волнение прошло, и на душе было спокойно. Из головы не выходило: «...почаще поёт...» — и я потихоньку запел:

— Ой, мороз, мороз...

Я закрыл глаза и представил себя в кабинете перед комиссией. Я пел только те слова песни, что слышал дома, когда приходили гости. Вот их я и пел, повторяя одно и то же. Вдруг через пару минут я услышал звон монет. Я открыл глаза и увидел в кепке несколько копеек. Никого рядом не было. Люди как шли по своим делам, так и продолжали идти. Я начал петь чуть громче, не закрывая глаза. Ко мне подошла молодая женщина с высокой причёской. На поводке она держала таксу. Женщина пристально посмотрела на меня

и улыбнулась. Такса же отвлеклась на воробьёв. Открыв сумочку, женщина достала несколько монет и, нагнувшись, аккуратно положила их в кепку со словами:

— Молодец. Хорошо получается.

Я в ответ улыбнулся, и моё настроение улучшилось. Люди заходили в двери и выходили, а я продолжил петь, но уже стоя. Прохожие награждали меня за пение мелочью и улыбками. Кто-то швырял монеты, не останавливаясь. Некоторые долго копались в кошельках, постоянно оглядываясь на меня, как бы рассуждая, стоит давать или не стоит. Другие, порывшись в карманах, так и уходили, ничего не оставив. А я пел всё громче и громче. Я старался, как артист. Вытягивал вперёд руки, делая серьёзное лицо. Время летело очень быстро, а мама всё не выходила из здания. В кепке монеты уже лежали горкой. А сверху кто-то бросил бумажный рубль. Я быстро засунул его в карман.

Недалеко от меня у поворота стояла тележка-лоток «Балмұздак»¹, с которой молодая продавщица продавала мороженое:

— Покупаем мороженое! Холодное мороженое! Есть свежесть и вкус в моём пломбире. Это лучше, чем деньги транжирить в тире.

Каждый продавец проявлял свою изобретательность, чтобы быстрее продать товар. Тем более такой особенный, как мороженое.

Продавщица явно нервничала. Товар шёл не так бойко, как ей бы хотелось. Таких тележек с мороженым было много. Дневной план нужно было выполнять.

Услышав моё «Ой, мороз, мороз...», мороженщица на мгновение замолчала. Потом подкатила свою тележку ближе ко мне, продолжая зазывать покупателей. И у нас получился импровизированный дуэт:

«Ой, мороз, мороз! Не морозь меня...»

«Покупаем холодный пломбир. Мороз донесёте до своих квартир!»

«Не морозь меня, моего коня.»

«Детям вкусно. Взрослым полезно. Тем, кто поправился, особо известно.»

Мы друг другу не мешали. Прохожие сначала, остановившись возле меня, слушали песню про мороз, кидали мелочь и тут же попадали под влияние звонкоголосой продавщицы. Довольные были все. Продавщица повернулась ко мне и подмигнула.

В этот момент я заметил милиционера, появившегося из-за угла. Это был худой высокий пожилой мужчина с висячими седыми усами. Милицейская фуражка смешно торчала на его дынеобразной голове. Галстук от жары был приспущен. Он подошёл ко мне и, поглаживая усы, спросил:

— Ты откуда, мальчик?

— Из Ч-ч-чимк-к-к-кента.

— А здесь что делаешь?

.....
1 Мороженое.

— Ма-а-а-аму жду.

Увидев в кепке мелочь, он усмехнулся:

— Неплохо ты маму ждёшь. Зря времени не теряешь.

Продавщица, увидев милиционера, крикнула:

— Товарищ милиционер, это хороший мальчик. Он мне мороженое помогает продавать.

Тот, не отрывая от меня взгляд, ответил:

— А вас я пока не спрашиваю, товарищ продавец. С вами мы позже проведём беседу. Так где же твоя мама?

— Она се-се-сейчас пэ-пэ-придёт, — ответил я.

Тут неожиданно с другой стороны подошёл второй милиционер. Полная противоположность первого. Низкий, молодой и прыщавый.

— Что здесь происходит, товарищ сержант?

— Да вот, уже из Чимкента в столицу приезжают попрошайничать целыми семьями. Мать этого мальчика где-то рядом промышляет. Надо найти её. И продавщицу уже к себе в шайку притянули. Ты понял, Абай, как они организовано действуют? Пока пацан отвлекает кабацкой-рюмочной песенкой, мамаша дела делает, а продавщица зубы заговаривает. Вернее сказать, замораживает. Вызывай наряд. Брать будем. Мне к пенсии премия не помешает.

И в это мгновенье я увидел маму, которая быстро спустилась по ступенькам и подошла к нам:

— Здравствуйте, — обратилась она к милиционерам.

— Здравствуйте. Это ваш ребёнок?

— Да, а что произошло?

— Вот вы нам в отделении и расскажете, что здесь произошло!

— В каком отделении? Я вас не понимаю, — с тревогой она посмотрела мне в глаза. — Мы с сыном были на обследовании в горно², на консилиуме по направлению. У меня все документы на руках. Задержалась немного. Долго не выписывали документы. Людей много.

Мама достала из сумочки сложенные документы обследования, свой паспорт и передала их милиционеру.

— Так-так, Лидия Дмитриевна. Непорядочек. Почему ребёнка оставляете одного на длительное время? А вдруг что случится? А вдруг у него плохой человек деньги отнимет? Хотя, — он поднял

мою кепку с мелочью, — в нашем случае всё как раз наоборот.

Уши мои запылали, как костёр. Я опустил голову и молчал. Мама взяла кепку из рук сержанта и сунула мне её в руки. Нагнулась ко мне:

— Это что? Это откуда?

Не дождавшись ответа, она повернулась к милиционеру:

— Вы извините, товарищ милиционер, он не специально ведь. Нам на консилиуме сказали: надо чаще петь, чтобы прошло заикание. Вот он и решил петь где попало.

— Улицы нашей столицы — это не где попало. Здесь должны быть всегда порядок и дисциплина. Ладно. Когда вы возвращаетесь в Чимкент?

— Через два часа. Мы уже билеты купили на автобус.

— Хорошо, но чтобы это больше не повторилось. Счастливого пути.

Милиционеры сделали «под козырёк» и ушли, а мы с мамой подошли к мороженщице.

— Нам два, пожалуйста, — сказала мама и протянула продавщице деньги.

— Не надо, — улыбаясь, ответила та. — Ваш сын помог мне план выполнить сегодня. Всю улицу чуть не заморозил, пока пел. Угощайтесь. Как раз последние два остались.

Мы взяли пломбир и поехали на вокзал. При каждом шаге я слушал, как дружно позвякивают монетки в кармане.

— Мам, а да-да-давай, когда па-па-приедем, купим на все пе-пе-пе-песенные деньги ма-а-а-мороженого. И па-па-папу уга-га-гостим.

— Хорошо, сынок.

— А можно я в а-а-а-автобусе на-на-ачну петь? — спросил я, сжимая в кармане рубль.

Мама улыбнулась и взяла меня за руку:

— Не отставай уж, Робертино Лоретти ты мой.

В этом году меня, по причине сильного заикания, в первый класс так и не взяли. Я ещё год радовал детей и воспитателей садика пением и стихами. В сентябре папа записал меня в вокальный кружок при Дворце пионеров, который располагался в Никольской церкви, в Пионерском парке. На мелочь, как мы и хотели, купили себе и папе мороженое, а бумажный рубль родители посоветовали положить в копилку.